

Олжас Сулейменов, на мой взгляд, несомненное и неопоримое духовное явление наше, не только Казахстана.

Безусловно, мы с Олжасом люди одного поколения, родственные души. И я знаю, что душа его болеет за то же самое, что и моя душа. И я в этом совершенно убежден.

Думаю, что Олжас согласится со мной, что литература в советское время, без всякого преувеличения, могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала.

На мой взгляд, девять из десяти сегодняшних книг можно отложить без урона для себя. Так же, как Олжас Сулейменов, я не принимаю сегодняшнего торжества зла, духовредительства, которые навязывают нынешние представители писательского цеха. На мой взгляд, герой нашего времени — тот, кто выстоял, остался при себе.

Нам с Олжасом, естественно, грустно, что книга перестала быть учителем жизни, общество, все вокруг себя превратившее в товар, уронило и значение книги. Книжная продукция во многом безнравственна, безъязыка и художественно убога. Читатель правильно делает, когда от греха подальше обращается к классике. А когда читаешь Тургенева, Бунина, Достоевского, Абая и других, то получаешь удовольствие только от одного слова. И, видимо, поэтому народ стал переключаться на классику. Потому что удовольствие получает. Он нее отказываться нельзя. Интерес возрастает потому, что она помогает человеку жить, переносить все тягости, которые на него обрушились в последнее время. В литературе все-таки человеку надо дать отдохновение его душе и сердцу. Думаю, что мы с Олжасом понимаем, что это нужно делать, и пытаемся это делать. А нас читать снова станут лишь тогда, когда мы предложим книги такой любви и спасительной веры, что их нельзя будет не читать.

Мне кажется, что в семидесятые годы какой-то чистый воздух был в литературе. Много хорошего было написано за эти годы. И братство писательское продолжало существовать. Как мы радовались успехам друг друга. Мы просто искренне восхищались успехами своих коллег, в том числе в национальных республиках. И чем были хороши семидесятые: тогда мы впервые за долгие годы пришли к национальному самоощущению. Мы болели друг за друга и открыто поддерживали друг друга, дружили, и эта дружба продолжается и по сей день. Если бы мы, друзья-писатели, друг друга не поддерживали, то совсем была бы хана...

Не так давно мы встречались с Олжасом в Москве на Литературном собрании, в работе которого участвовали представители разных поколений писательского цеха наших бывших советских республик. Встретились как старые друзья. Повспоминали кое-что. Тем более было, что вспомнить: как раз незадолго до этого вышел совместный номер журнала «Юность» с произведениями писателей Казахстана и России, и мы с Олжасом напутствовали это издание. Хочу еще раз подтвердить высказанную в напутствии мысль, что можно разделить народы, можно поставить заслоны и границы, но не получится изъять память души, огонь общего слога, единого восприятия жизни. Все возвращается к истоку. Сердце человеческое жаждет возрождения проникновенной поэзии и глубокой прозы. И в России, и в Казахстане готовится почва для писательских исследований, в которых вновь всколыхнется полнокровная жизнь народа.

Благодаря литературе мы выжили, когда была отвергнута религия, другие ценности. Литература помогла сохранить духовные ценности, даже больше того — человеческие ценности, и спаять людей. Хотя и литература была разной. Но она не была направлена против души человека, способной развращать его нравственно, духовно, уничтожать человека.

В последние годы Олжас, как и многие из нас, много времени и сил отдает общественной и публицистической деятельности, не прерывая творчества. И публицистика его ярка, образна и точна, поднимает самые жгучие, актуальные проблемы бытия и жизни. И она, я бы сказал, очень совестлива.

Вот мы часто говорим: душа — душа, совесть — совесть... Как же без всего этого можно прожить? Совесть заменить нельзя ничем. Никаким рынком, никакими сиюминутными интересами, ни тем более правом. Совесть есть совесть. Нравственность — это взывание добра и его распространение. Без многого в жизни можно обойтись. Без картошки, без соли, даже без хлеба — будем стряпать какие-нибудь лепешки... Но без совести, без нравственности обойтись нельзя ни дня!

От писателя может быть только одна общественная польза — выращивание в читателе добродетельных человеческих и гражданских начал. А эта ценность ничего общего с рынком не имеет. Даже прививку от чумы или холеры можно свести к коммерции, потому что на вакцине можно заработать, но тот дар, который вносит в душу человека хорошая книга, ни в какие расчеты вместить нельзя. Это относится и к культуре в целом. В культуру надо вкладывать деньги, чтобы она была чистой и не-

продажной... Как только ее посадили на коммерцию, как на наркотическую иглу, она превратилась в источник разрушения.

Писатель не политик, у него другое устройство, но у писателя есть авторитет, и для благого дела его не годится запира́ть в сейф. А есть и прямая, относящаяся к роду его деятельности, обязанность писателя обращаться к обществу, когда, к примеру, истребляется твой народ, наносится экологический урон твоей земле. В таких случаях преступно отсиживаться в углу. Хоть на плаху, хоть на костер, но отстаивай родное. И Олжас отстаивал. Он создал и возглавил международное антиядерное движение «Невада–Семипалатинск» за запрещение атомных испытаний в Казахстане.

Известно, что те или иные положения Олжаса Сулейменова в его книге «Аз и Я» становились предметом спора, подчас острого спора. Олжас пишет горячо, даже страстно — и по внутренней убежденности. Так, например, его исследования в области языка могли бы служить примером блестящей защиты своих взглядов, подкупающей своей неподдельной искренностью и неотразимой аргументацией.

Вероятно, не все в нем бесспорно — человеку свойственно, отстаивая свои убеждения, пристрастно подбирать и освещать факты, оставляя в тени или умаляя те, что затрудняют их защиту, — однако в целом его работы подкупают своей искренностью. И прежде всего мне хочется сказать о том уважении, которое вызывают целеустремленность и трудолюбие автора, его очевидная преданность делу, которому он себя посвятил, страстность, с какой он доказывает и отстаивает то, что почитает за истину.

Я не думаю, что сейчас народ наш настолько обессилел, чтобы не выбраться, не распрямиться, не справиться с ситуацией. Я верю, как и Олжас, что в этом ему поможет то духовное богатство, которое существует в нашем прошлом. Оно имеет проводимость, мы это чувствуем. И эта проводимость дает мне надежду на продолжение преемственности лучших традиций нашей общей истории и литературы.